Мухин Олег Николаевич

СМЕХ И ХАОС: К ВОПРОСУ О РОЛИ ШУТОВ В ПРИДВОРНОЙ КУЛЬТУРЕ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

В статье предлагается объяснение повышенной роли смеха и шутовства в придворной культуре эпохи Петра I. Подчеркивается бессознательная компенсаторная функция смеха для психики Петра как реформатора и нарушителя традиционных устоев. Прослеживается связь смеха и ранних процессов российской модернизации, а также отмечается корреляция количественных и качественных характеристик шутовского смеха с общим уровнем цивилизованности общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/2-2/34.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (40): в 2-х ч. Ч. II. С. 138-140. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(470)–16/18”
Исторические науки и археология

В статье предлагается объяснение повышенной роли смеха и шутовства в придворной культуре эпохи Петра I. Подчеркивается бессознательная компенсаторная функция смеха для психики Петра как реформатора и нарушителя традиционных устоев. Прослеживается связь смеха и ранних процессов российской модернизации, а также отмечается корреляция количественных и качественных характеристик шутовского смеха с общим уровнем цивилизованности общества.

Ключевые слова и фразы: Россия; Пѐтр I; модернизация; смех; бессознательное.

Мухин Олег Николаевич, к.и.н., доцент
Томский государственный педагогический университет
himan1@rambler.ru

СМЕХ И ХАОС: К ВОПРОСУ О РОЛИ ШУТОВ В ПРИДВОРНОЙ КУЛЬТУРЕ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ©

Стилистика смеха в той или иной культуре тесно связана с общими особенностями развития последней, и потому обращение к ее анализу может служить важным подспорьем для историка, стремящегося понять социокультурную специфику изучаемой им эпохи.

Ряд исторических периодов, в том числе в отечественной истории, характеризуются, так сказать, «экспансией» смехового начала, что требует особого объяснения. Это с очевидностью относится ко времени правления Петра I. Следует признать, что значение гипертрофированного по масштабам смеха для самого царя-реформатора до сих пор не прояснено. В этой статье будут предложены некоторые предварительные выводы касательно этой проблемы.

В текстах, оставленных иностранцами – современниками Петра, неоднократно встречаются описания выходок царских шутов. Хотя присутствие последних при дворах монархов являлось в средние века и раннее Новое время обычным делом, однако их количество и, главное, чрезвычайно вольное их поведение в присутствии монарха удивляли очевидцев. Так, датский дипломат Юст Юль дает яркое описание, видимо, поразившей его картины нравов, господствовавших за царским столом. Пока Пѐтр разговаривал с кем-то, один из шутов подошел к нему и намеренно высморкался в лицо другому шуту «мимо самого лица царя». Пѐтр не обратил на это внимания. Другой шут вытер себе лицо, схватил с блюда горсть миног и бросил в «обидчика», хотя и не попал. О том, что для наблюдателя такое поведение казалось необычным, говорит следующий комментарий датского посланника: «Читателю покажется пожалуй удивительным, что подобные вещи происходят в присутствии такого великого государя как царь и остаются без наказания и даже без выговора. Но удивление пройдет, если примешь в соображение, что русские, будучи народом грубым и неотесанным, не всегда умеют отличать приличное от неприличного и что потому царю приходится быть с ними терпеливым в ожидании того времени, когда, подобно прочим народам, они научатся известной выдержке» [10, с. 85].

Ю. Юль не единственный, кто предлагал свою версию объяснения пристрастия царя-реформатора к шутам. Другую, самую простую, выдвинул Ф.-В. Берхгольц, считавший, что «его величество все еще охотно слушает шутов, чтобы рассеяться после серьезных занятий» [1, с. 261]. По мнению Вильбуа, шутов и дураков Пѐтр держал «не столько для удовольствия, которое он получал от их выходок, сколько для того, чтобы с их помощью сказать придворным вельможам, а иногда и иностранным министрам, ту горькую правду, которую монарху не подобает произносить самому» [3, с. 196]. Однако Пѐтр скорее известен своей грубой прямолинейностью.

Один хорошо известный эпизод петровского царствования может помочь нам прояснить ситуацию. Речь идет об участии карликов в бритье боярских бород вскоре после возвращения Петра из первого заграничного путешествия. Если первое массовое и насильственное брадобритие было произведено непосредственно монархом, то в следующий раз, через несколько дней, «обязанность эту отправлял известный при царском дворе шут, и к кому только ни приближался он с ножницами, не позволялось спасать свою бороду, под страхом получить несколько пощечин. Таким образом, между шутками и стаканами весьма многие, слушая дурака и потешника, должны были отказаться от древнего обычая» [6, с. 88]. Речь в данном случае, скорей всего, шла не столько о сознательном осмеянии древнего обычая (иначе Пѐтр использовал бы этот прием заранее, подготавливая будущее насилие), но о бессознательном освобождении Петра от груза традиций (можно догадываться, что первый опыт собственноручного бритья дался неуверенному в себе ниспровергателю не так уж легко, так что в дальнейшем возникла потребность перемещения этого «опасного» рода преобразования в смеховую плоскость). Участие шутов не могло обмануть подвергавшихся позору бояр и заставить их легче относиться к происходившему, так что, очевидно, оно снимало ответственность с инициатора лишь в его собственных глазах (еще раз подчеркну, на уровне бессознательного). Таким образом, шутовской смех в данном случае выполнял явственную компенсаторную для самого царя-реформатора функцию, что вполне согласуется с определением социокультурной роли смеха как средства *временного* снятия прессинга со стороны культурных норм, восходящим к теории карнавала М. М. Бахтина [5].

© Мухин О. Н., 2014

То есть объяснить роль шутов в придворной жизни петровского времени лишь рациональными мотивами нельзя. Известная трактовка наличия шутов при дворах средневековых монархов гласит, что они должны были демонстрировать уверенность господина, так как только уверенный в себе человек может позволить смеяться над собой. Властители использовали шутов как один из важных элементов выстраиваемого ими искусственно благополучного мирка. Всякий правитель в той или иной степени боится своего народа, боится расплаты за свою власть, причем чем авторитарнее его власть, тем больше страх. Поэтому ему нужна защитная, по сути, игровая сфера, внутри которой есть все составляющие внешнего, опасного мира, но здесь все они под его контролем. А шут – это подконтрольная «обратная реакция» со стороны подданных. Властителю нужна видимость того, что он знает о своих недостатках и способен выслушивать критику, на самом же деле он на это неспособен, хотя не может признаться сам себе в этой неспособности. Для решения этого противоречия и нужен шут: ему позволено критиковать правителя, но тот не должен в свою очередь заботить себя необходимостью как-то на эту критику реагировать, как было бы в случае настоящего «гласа народа»; здесь все можно свести в шутку или отмахнуться от надоедливого шута.

А Пѐтр наверняка боялся своего народа. Для этого были все основания: это и детские травмы времен бунтов, и подсознательный страх, вызванный нарушением устоев. Страх царя-реформатора перед собственной реформаторской деятельностью порождал, с одной стороны, жесткость подавления любого инакомыслия, с другой – привязанность Петра к шутовству как в собственном исполнении, так и в форме проделок многочисленных «профессионалов». Позволение шутам ругать царя, критиковать и высмеивать его могло давать Петру основание ощущать себя уверенным в себе, но на собственноручно подготовленной и подконтрольной ему территории, что он вряд ли мог вынести – да и известно, что не выносил – лицом к лицу с реальной жизнью его страны, его народа. Однако российская социокультурная специфика проявлялась в том, что шуты в основном использовались самодержавным царем-реформатором, чтобы принижать окружающих, «смягчая» формы этого принижения и таким образом облегчая «шутнику» возможность переступать через людей и обстоятельства. Сложно найти свидетельства высмеивания шутами самого Петра.

И. Ю. Николаева убедительно показала связь авторитарного стиля властвования, свойственного российской традиции, со стилистикой смеха Ивана Грозного и явственные отличия стиля смеха последнего от европейских современников (на примере Козимо Медичи). В основе смеха Ивана лежали страх и неуверенность в себе, порождавшие желание уничтожить противника, по крайней мере морально, но часто Иван переходил от насмешки к физическому истреблению оппонента. Будучи крайне вспыльчивым и не терпящим возражений человеком, Иван воспринимал любое несогласие как предательство, за которым следовало жестокое наказание [7, с. 135]. Сделанные ею выводы до некоторой степени применимы и к Петру I. Соответственно, подчеркнуто игровой и смеховой характер видимо был важной чертой преобразований в России в раннее Новое время, так как позволял правителям отстраниться от сниженной в смеховом плане традиции, освободиться от ее сковывающих рамок. Грубость же форм, в которые отливался шутовской смех при дворах царей-реформаторов (выходки ивановых шутов шокировали иностранных наблюдателей не меньше, чем петровских [8, с. 43-44]), связана как с невротическим характером личности обоих, так и с историческим отставанием России на пути процесса цивилизации (в понимании Н. Элиаса [9]).

Выявив компенсаторную основу смеха петровской эпохи и причины отличия его форм от привычных европейцам, нам остается прояснить его гипертрофированные, буквально – раблезианские объемы (Петру недостаточно было устраивать мероприятия всешутейшего собора, приуроченные, как правило, к традиционным народным праздничным периодам – святкам и масленице, ему необходимо было повседневное присутствие рядом с ним большого количества шутов).

С означенной выше трактовкой смеха перекликаются идеи Р. Кайуа, отмечавшего, что нарушение во время праздника всяческих норм и обычаев символизирует возвращение мифических времен хаоса, когда возможно было все, дабы обеспечить новое возрождение и процветание мира (ср. теорию М. М. Бахтина): «Праздник заставляет вернуться время творящей распущенности, которая предшествует порождаемым ею порядку, форме и запрету (все эти три понятия связаны между собой и совместно противостоят Хаосу)» [4, с. 233]. Однако в случае Петра игровое и смеховое начало теряет свою периодичность, приобретая перманентный характер, так как он большую часть своего правления посвящал трансформации традиций, то есть был постоянно погружен в атмосферу этого «творческого хаоса», поменяв будничность и праздник местами.

Таким образом, максимальная насыщенность смехом в данном случае не только (и не столько) являлась следствием нездоровых наклонностей Петра I, о чем пишут некоторые исследователи [2, с. 92], но и важнейшей стороной ранних попыток внедрения начал модернизации в России, когда слишком высоко было напряжение между новшествами и традицией, актуализировавшее страхи и неуверенность инициаторов реформ. Смеховой «разгул» позволял Петру снять часть груза ответственности за нарушение устоев, заняв временно по отношению к последним отстраненную позицию путем их «снижения».

Итак, обилие шутов при дворе Петра I, качество выходок которых казалось иностранным наблюдателям выходящим за рамки дозволенного, может быть объяснено следующим образом. В соответствии с компенсаторной функцией смеха, шуты помогали (иногда, как в случае с бритьем бород, буквально) царю-реформатору преодолеть путем смехового снижения нерешительность перед собственным новаторством. А так как Пѐтр всю свою жизнь посвятил преобразованиям, связанным с нарушением традиций, смех его приобретает перманентный характер, превышая в своем объеме уровень, привычный для современников-европейцев (стоит вспомнить, что к началу Нового времени на Западе, по наблюдениям М. М. Бахтина,

карнавальная культура фактически сходит на нет, так что ее всплеск в петровское время, пусть в несколько искусственной, но вполне понятной простым подданным царя-реформатора форме, отражал историческое отставание России на пути цивилизации в элиасовском понимании).

Список литературы

1. **Берхгольц Ф.-В.** Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721-1725 // Неистовый реформатор. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. Ч. 1-2. С. 105-502.
2. **Будин П. А.** Пётр Великий и церковь // Царь Пётр и король Карл: два правителя и их народы. М.: Текст, 1999. С. 78-97.
3. **Вильбуа.** Рассказы о российском дворе // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 192-206.
4. **Кайуа Р.** Человек и сакральное // Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003. С. 141-294.
5. **Козинцев А. Г.** Об истоках антиповедения, смеха и юмора (этюд о щекотке) // Смех: истоки и функции / под ред. А. Г. Козинцева. СПб.: Наука, 2002. С. 5-41.
6. **Корб И.** Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом // Рождение империи. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 21-258.
7. **Николаева И. Ю., Карагодина С. В.** Природа смеха и природа власти Ивана Грозного и Козимо Медичи: сравнительный анализ в контексте раннеевропейских процессов Перехода // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / под ред. Б. Г. Могильницкого. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 119-145.
8. **Новое известие о времени Ивана Грозного** / пер., ред. и прим. А. И. Малеина. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 62 с.
9. **Элиас Н.** О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: в 2-х т. М. – СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 2.
10. **Юль Ю.** Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. С. 9-396.

LAUGHTER AND CHAOS: ON ROLE OF JESTERS IN COURT CULTURE OF PETER'S EPOCH

Mukhin Oleg Nikolaevich, Ph. D. in History, Associate Professor
Tomsk State Pedagogical University
himan1@rambler.ru

The article suggests explanation of the increased role of laughter and buffoonery in the court culture of Peter I epoch. The unconscious compensatory function of laughter for Peter's psyche as a reformer and traditional values offender is emphasized. The connection of laughter and early processes of the Russian modernization is traced, and also the correlation of the quantitative and qualitative characteristics of jesters' laughter with the general level of society civilization is mentioned.

Key words and phrases: Russia; Peter I; modernization; laughter; unconscious.

УДК 93/94
Исторические науки и археология

Деятельность Православного миссионерского общества, которое действовало с 1869 г. по 1917 г., стало наиболее яркой страницей в синодальный период истории Русской Православной Церкви. В исторической литературе очень кратко дается оценка итогов деятельности сибирских и заграничных миссий Православного миссионерского общества. Однако миссионерская работа общества на Урале никогда не рассматривалась. В этой статье автор пытается восполнить этот пробел в российской историографии на основании новых документов.

Ключевые слова и фразы: духовная миссия; катехизация; инородцы; приют; ясак; пожертвования; Святейший Синод; миссионерская школа; комиссия для перевода; проповедь; миссионерские курсы; миссионерский стан.

Нечаев Михаил Геннадьевич, к.и.н., доцент
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
mgn4@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО МИССИОНЕРСКОГО ОБЩЕСТВА НА УРАЛЕ©

В широком смысле миссионерское служение охватывает все аспекты деятельности церкви. Можно говорить даже о том, что задачи церкви тождественны миссионерской. В современном православном богословии понимание миссии предполагает: «Миссия состоит в том, чтобы приближаться к миру, освящать и обновлять его, вкладывать новое содержание в старый образ жизни, принимать местные культуры и способы их выражения, не противоречащие христианской вере, преобразуя их в средства спасения» [5, с. 226].

Тем не менее, термин миссионерская деятельность является более узким, специфическим и имеет свои функциональные особенности. Так, отец Иннокентий относит миссионерство «к более узкой, хотя и весьма

© Нечаев М. Г., 2014